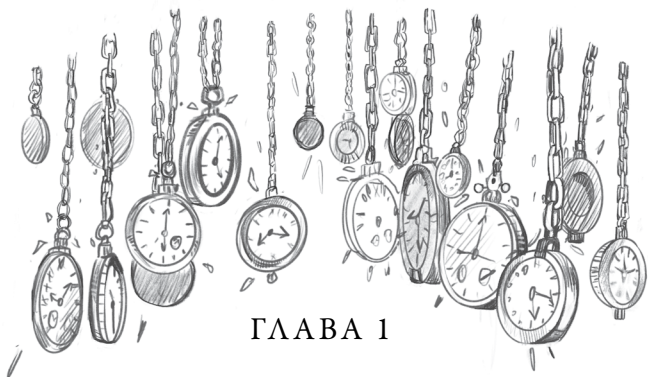

ГЛАВА 1

ДОЧЬ И СЫН ЧАСОВЫХ ДЕЛ МАСТЕРА

Время неподвластно людям. Но что, если существует мир, в котором действуют иные законы? Место, где солнце не озаряет небосвод, а день не сменяет ночь. Что, если там живут чудовища? И что, если чудовищам подчиняется время?

*Королевская книга «Часовые дела
и тайны небесных светил»,
отрывок из V главы, написанной
Дроссом Майером I*

Иви

Иви затаила дыхание и, сняв испачканные черным маслом перчатки, закрыла ладонями уши.

— Десять, девять, восемь... — начала она отсчет, — семь, шесть...

— Четыре, три... — из-за угла вынырнул Отто, — два...
— Один! — хором произнесли они.

И дом задрожал от перезвона часов, сообщающего жильцам, а то и всей улице, что пробило ровно двенадцать. Каждый день на протяжении вот уже десятка лет дом Дросса Майера оглушал округу надоедливой песней. Кукушки, выпрыгивающие из циферблатов, пытались перекричать трубачей, играющих гимн минутной стрелке. Деревянные совы охали, проглатывая остатки тишины. Колокольчики пискляво звенели, сливаясь с медным гулом ржавых часов, которые подарил мастерской заезжий француз. Иви так и не привыкла к этому звону. От него гудела голова, сама превращаясь в ненавистный часовой механизм. Кукушка долбила клювом череп изнутри, рвалась наружу, чтобы громко и ясно пропеть свою мелодию.

— Как всегда, точно! — воскликнул Отто. — Кукушке, зовущей на обед, можно простить даже такой надоедливый мотив!

Он взмахивал пальцами, как дирижер, и крутился на пятках, танцуя под затихающую мелодию. Механизмы часов один за другим заскрипели, завращались, зашуршали. Все шестеренки пришли в движение, и кукушки и совы спрятались в своих деревянных домиках, чтобы выждать следующие двенадцать часов.

— Ты только проснулся, — Иви с облегчением выдохнула, прислушиваясь к тиканью, — а уже грезишь об обеде. — Она бросила презрительный взгляд на брата.

Сгорбившись над крохотным столом, словно крючок для вязания, Иви копалась в настенных часах, которые остановились после смерти жильца дома напротив. Его старшая дочь принесла семейную реликвию в мастерскую и заплатила вдвое больше пфеннигов. Дросс приказал Иви отложить другие заказы и взяться за этот, дабы оказать

должное почтение умершему, а также опустевшему кошельку скорбящей дочери.

С раннего утра Иви вычищала шестеренки от скопившейся пыли. Смазывала детали, раскручивала винтики, сидя в очках с пятью увеличительными стеклами, и искала подходящие шайбы для устаревшего циферблата. Часовым делам ее обучил Дросс Майер — владелец мастерской и ее крестный отец. Жаль только, что обучил он этому лишь ее.

— Милая моя сестра, — Отто вскинул руки к потолку, — природа сотворила меня не для того, чтобы тело мое чахло в темном углу этой комнаты.

— А для чего? — улыбнулась Иви.

— Для дел великих! — Отто облокотился о деревянную стойку, у которой посетители забирали свои отремонтированные часы.

— Каких же?

— Мои длинные пальцы создают музыку, Иви. — Он постучал по столу, словно по клавишам пианино. — Вдохновляют. Веселят богачей.

Отто был хорошим пианистом. Тут он не врал.

— И если я, как ты, сяду ремонтировать часы, то, во-первых, — он выставил ладонь и загнул большой палец, — отберу у тебя хлеб. Во-вторых, — загнул указательный, — ни на пфенниг не озолочу нашу семью. А планы у меня большие! Показать вам с крестным другие страны. Угостить зане-ромом*. Сводить во дворец на бал. А в-третьих... мир потеряет восходящего композитора.

*Зане-ром — холодный, взбитый практически в пену, крем с капелькой рома или белого вина, подаваемый с густым малиновым соком или фруктовым соусом. *Здесь и далее примечания автора.*

— Разве во дворец пускают воришек, Отто? — Одернув на груди фартук, Иви вновь склонилась над часами. — Твои пальцы не только красиво стучат по клавишам, но и ловко шарят по чужим карманам.

— Золотой нам лишним не будет, а богач и не заметит пропажи, сестра, — обиженно отозвался Отто. — Тем более что я давно этим не промышляю. И вообще-то, — он сделал акцент на этих словах, — в гаштетах* платят так мало, что еле-еле хватает на жизнь.

— Так ты не проигрывай в азартных играх все сразу, проказник! — По лестнице, стуча палкой, медленно спускался крестный. — Помоги мне лучше, болтун. Будь полезен.

Отто рванул к нему и, подхватив под локоть, подставил плечо. Под ними заскрипела старая лестница, а доски завывали от тяжести, навалившейся на них. Дом Дросса Майера был старым. Крестный говорил, что эта мастерская — единственное наследство его семьи. Отец, дед и даже прадед Дросса были часовщиками, и каждый был обязан передать ремесло сыну, тот — своему сыну, а тот — своему. Дроссу не повезло: сыновей у него не было, зато были крестники. Но Отто не хотел такого наследства. А значит, у Иви и не было выбора. Рано или поздно эта мастерская станет и ее ношей тоже.

— Опять сказки о богатой жизни тебе рассказывает, Иви? — усмехнулся Дросс.

— Десертом накормить обещает, — улыбаясь, ответила она.

— В каждой семье должен быть мечтатель, — кряхтя от боли, произнес крестный. — Но просто мечтать недостаточно. Все сказки рано или поздно оживают, Отто. Надо быть упорным и терпеливым. Иначе добрая сказка может обернуться худшим кошмаром.

* Маленький ресторан (нем.).

— Умеешь ты испортить настроение, крестный, — буркнул Отто. — Еще и пугаешь... Как мне теперь собраться с мыслями? А?

Отто был похож на Иви. Вьющиеся каштановые волосы. Веснушки на румяных щеках. Глаза цвета горького шоколада. Вздернутый нос и улыбка, не исчезающая с лица даже в самые тяжелые времена. Они оба были изящны, статны и красивы. Если бы не хлопковые, выцветшие из-за сотни стирок кофты и рваные кафтаны, их приняли бы за аристократов. И за близнецов, ведь даже голоса у них были немного похожи. А отличала друг от друга их не только разница в возрасте. Их отличал... страх. Иви давно перестала бояться. Будь то ожившие сказки, несбывшиеся мечты или нищета. Она уже давно выросла и перестала верить в страшные истории, которыми пугали непослушных детей.

— Воруя золото, богатым не станешь, Отто, — сказала Иви.

— Знаю, сестра, знаю, — подтвердил он. — Но в золоте ли богатство?

— В золоте, Отто, — кивнула она.

— Богатство в любви, милая Иви, — замечтался Отто. — Все богатство кроется в любви! Вот возьму в жены графиню... или саму принцессу! И станем мы богаче всех богачей!

— А говоришь, не в золоте дело. — Иви бросила на брата короткий взгляд.

— Мечтаешь о принцессе, глупый мальчишка? — Добродушный голос Дросса разлился по мастерской. — Где же ты ее возьмешь? Род королевский проклят. Нет у короля дочерей. И не будет никогда.

— Это тебя беспокоит, крестный? — Иви смазала последний шарнир в циферблате и, сняв очки, встала из-за стола. — А вовсе не то, что Отто слишком ленив и никчемен для персоны голубых кровей? — Она подошла к брату

и, перегнувшись через стойку, потрепала его по волосам. — Кому нужен такой безголовый красавчик?

— Спасибо, Иви, на добром слове. — Отто натянул улыбку. — Только ты могла меня и похвалить, и с грязью смешать.

— Не обижайся, — погладила она его по плечу, — но, правда... Хватит мечтать. Нам нужна твоя помощь. Концы с концами еле сводим.

— Иви верно говорит, — отозвался Дросс.

Ковыляя, он подошел к стойке. От него пахло черным чаем и лимоном. А еще — дикой усталостью и болью, что мучила его долгие годы. Дросс отставил трость, на которую опирался во время ходьбы, и, открыв ящик, порылся в бумажках.

— Счета за дом сами себя не оплатят, а клиентов в мастерской все меньше и меньше, — огорченно выдохнул крестный.

Отто почесал затылок и виновато опустил глаза. Оправил зеленый камзол, пригладил ладонями ворот посеревшей рубашки.

— Обещаю, — тихо сказал он, — сегодня я принесу много золотых.

— Отто... — начала Иви.

— Я не стану воровать, — перебил он. — Не для этого меня природа такими красивыми пальцами одарила. — Он подмигнул.

— Вот негодник! — Дросс помахал стопкой бумаг перед его лицом. — Иди уже работай, Отто. Скоро в таверны набьются толстосумы, пришедшие на обед. Как им наслаждаться рулькой без твоей музыки?

— После работы хочу забежать кое-куда, — сказал Отто и направился к двери. — Возможно, задержусь и вернусь домой чуть позже обычного.

— Не опаздывай на ужин! — на прощание кинул ему Дросс.

Не ответив, тот открыл скрипучую дверь, и колокольчик зазвенел. Холодный декабрьский ветер ворвался в мастерскую, взметнул с пола пыль, взъерошил притоптанный ворс на ковре и бахрому на шторах. Зима только-только сменила осень, но уже властно охватила улицы утренней изморозью, окна — ледяными узорами, а лица прохожих — алым румянцем. Она сметала остатки пожухлых листьев с каменных дорожек, давая понять, кто здесь настоящая хозяйка.

— Будь осторожен, Отто! — крикнула Иви.

Брат ее уже не слышал. Да если бы и услышал, то вряд ли бы послушался.

— Безнадежный мечтатель, — покачал головой крестный, — на которого просто невозможно злиться. Любовь — это прощение. И я его прощаю. — Дросс взял трость и, опираясь на нее, подошел к столу, заваленному часовыми механизмами. — Но как же иногда хочется отвесить подзатыльник этому паршивцу!

— Ты сам научил его мечтать. — Иви вернулась за стол и натянула на руки грязные перчатки.

— Жаль, что я так и не смог научить мечтать *тебя*, милая Иви.

Зажмурившись от боли, Дросс опустился на стул. Старая травма не давала покоя, а все микстуры, что выписывал лекарь, не помогали. Крестный лишился ступни тогда же, когда Иви с Отто потеряли отца. Неясно, какая утрата кому далась тяжелее. Но если Иви с братом позабыли о тех страшных днях в темных комнатах и холодных подвалах, то Дросс помнил боль до сих пор. В зашнурованном ботинке вместо ступни лежала деревянная болванка.

— Ты многое сделал для нас, крестный, — произнесла Иви, — и я хочу отплатить тебе за это. Времени нет на мечты. Да и все это детские шалости. Оставлю их Отто.

— Мы семья, Иви. Мне не нужна плата за любовь.

Она улыбнулась. Посмотрела на его сторбленную спину, пробежала взглядом по вздымающимся плечам, седеющим волосам и трясущимся пальцам, которые крутили на свету очередную шестеренку. Как быстро шло время... Иви могла остановить десятки часов, отмотать назад сотни стрелок на циферблатах, но время все равно было ей неподвластно. Дросс старел. И это не могло не расстраивать. Он взял их под опеку пятнадцать лет назад, когда отец сошел с ума и решил свести счеты с жизнью. Дросс нашел Отто громко плачущим у комнаты Иви. Он колотил в дверь и сбил в кровь кулаки и колени. Вместе с Дроссом они навалились на нее и наконец проникли внутрь. Иви лежала, прикованная цепями к кровати, и, глядя в потолок, молча пролиwała слезы. Прежде чем покинуть этот мир, отец позаботился о том, чтобы Шелкунчик не забрал его милую дочь.

Дросс был лучшим другом отца и единственным спасением для его до смерти перепуганных детей. Каждый божий день Иви была благодарна ему. И с каждым божьим днем любила все сильнее и сильнее. Крестный стал ее семьей, а ради семьи она была готова на все — хоть починить тысячи часов или подчинить себе само время.

— Сегодня фрау Шафер зайдет за своими часами, — сказал крестный. — Ты смогла починить механизм?

— Смогла, — выдохнула Иви. — И уже упаковала в коробку. Лежит под столом. Вон та, с красным бантом.

— Тогда закончи заказ фройляйн Фишер. — Дросс перекрестился. — Да будет мир прахом ее отцу. Такой человек хороший был... Такой хороший.

Декабрь не любил дневной свет. Возвышаясь над Майнштадтом, он ткал из пушистых ниток хмурые тучи, которые обволакивали небо, скрывая от горожан усталое солнце. Ослабшее после битвы с тремя осенними дождливыми

месяцами, оно покорно тускнело, больше не согревая промерзшую землю.

Декабрь любил темноту. Он подгонял вечер, торопил луну и звезды. Стирал с неба закат и силой загонял алые лучи за небосвод. Освобождал дорогу ночи, вальяжно расхаживающей по улицам города. Словно надзирательница, она встречала бегущих с работы людей и бесцеремонно заглядывала в окна домов. Волокла за собой холод и тьму, которые до самого утра окутывали Майнштадт.

Иви зажгла последнюю лампу в мастерской и, потянувшись, размяла спину. Дросс до сих пор сидел за столом и чинил золотые карманные часы. Он выудил их из пыльной коробки, долгие годы простоявшей в кладовке. Хотел отремонтировать и втридорога продать на городском рынке. За весь день они оба так и не разогнулись, не пообедали и даже не выпили чаю с кислыми ягодами. В животе заурчало, стоило подумать о запеченной курице и вареном картофеле с морковью, что ждали их на ужин. Иви кинула взгляд на часы. Фрау Шафер опаздывала. Можно было подумать, будто она была такой занятой дамой, что не нашла времени зайти и забрать свои настенные часы, кукушка в которых без умолку трезвонила всю вчерашнюю ночь. Наверняка заболталась с подружками в таверне с видом на Рейн, а потом пропала в швейной мастерской. Ведь пять ее такс не могли остаться без шелковых костюмов на Рождество.

— Через десять минут мастерская закроется. — Иви посмотрела на часы.

— Мы работаем до последнего клиента, — напомнил Дросс.

Она цокнула и взглянула на дверь. Та все еще не открылась. В мастерскую все еще не вошла фрау Шафер. Зато вот желудок нетерпеливо завыл, подначивая Иви скорее приступить к долгожданному ужину.

— Отто опаздывает, — грустно выдохнул крестный.

Иви облокотилась о стойку и с тяжелым вздохом вновь посмотрела на дверь, которая скрывала за собой не только фрау, но еще и брата.

— Он говорил, что у него дела.

— Какие дела могут быть у этого сорванца? — Дросс задал вопрос, не требующий ответа.

— Думаешь, он во что-то влип?

Стоило произнести это, как желудок в очередной раз взвыл — но уже не из-за голода, а от дурного предчувствия.

— Надеюсь, нет. — Кряхтя, крестный поднялся из-за стола. — Может, он нашел еще одну таверну, где не хватало пианиста, и теперь развлекает богачей еще и за ужином?

Дросс, ковыляя, подошел к Иви и похлопал ее по плечу.

— Не волнуйся за него. — Он взглянул ей в глаза и улыбнулся. — Иди отдыхай. Я дождусь фрау Шафер и сам отдам ей заказ.

И стоило ему это сказать, как дверной колокольчик громко зазвенел.

— Наконец-то добрался до вас! — На пороге появился герр Шафер, невысокий и очень худой мужчина с длинными, завитыми, словно панцирь улитки, усами. — Еле успел до закрытия.

— Мы работаем до последнего клиента. — Дросс приветливо кивнул ему. — Фрау Шафер в порядке? Захворала, может? Она обычно сама заглядывает в мастерскую.

— Все хорошо, Дросс. — Мужчина вытер ноги о коврик и подошел к стойке. — Мою жену даже чума не свалит, о чем вы.

Герр Шафер запыхался и с каждым словом брызгал слюной прямо на стол. Его жена была крупной и очень высокой дамой. Смешно было наблюдать, как герр Шафер, ростом не выше десятилетнего ребенка, да и весом не больше

его же, выгуливает то такс, то свою жену в сквере по соседству. Они были милой парой. И доброй. Жаль только, не особо пунктуальной.

— Чума не свалит, но вот азарт погубит... — Герр Шафер оперся на стойку. — Да и меня, что лукавить, азарт затягивает.

— О чем вы? — Дросс нагнулся, чтобы взять с пола коробку, но Иви сделала это быстрее него.

— Ты что это, Дросс, — удивился Шафер, — не слышал, что ли?

Крестный нахмурился, Иви тоже. Она поставила коробку с красным бантом на стол и открыла ее, демонстрируя идеально выполненную работу. Но Шафер даже не взглянул внутрь.

— Сегодня в трактире на Фон-Штрассе будут кулачные бои. Куча богачей придет делать ставки. На арене выступит самый сильный боец всех времен и народов. Сам Рауль... — Шафер замялся, — забыл, как дальше. Приехал к нам из Парижа. Говорят, он из людей делает отбивные. Вот и прозвали Мясником.

Иви громко сглотнула. Догадка, куда же мог пропасть Отто, мгновенно зародилась в ее голове. В голове Дросса, который испуганно покосился на Иви, кажется, тоже.

— Вот мы с женой ставки и сделали.

— А кто второй драчун? — с опасением в голосе спросил Дросс.

— Да там бандит Рута Робера. — Шафер, так и не взглянув на часы, закрыл коробку и, выудив из кармана пару монет, кинул на стол. — Но неважно, кто будет выступать против Мясника. Победить его невозможно. Вот все и ринулись на него свои сбережения ставить. Этот Рауль нас озолотит! Богом клянусь!

Шафер чуть ли не вприпрыжку направился к двери, так радостно и весело ему было. И представление посмотрит, и золота загребет этим промозглым вечером.

— Крестный... — Иви дернула Дросса за рукав. — Может, Отто...

— Точно там, милая, — сразу понял ее Дросс. — Этот паршивец точно там!

— У меня в экипаже есть еще одно местечко. — Дверь распахнулась, и холодный ветер пронесся по ногам вместе с голосом герра Шафера. — Могу подвезти. Ставки еще принимают.

— Я поеду! — раньше крестного ответила Иви и, обогнув стойку, подбежала к двери.

— Иви! — Дросс схватился за трость. — Это может быть опасно!

— Брось, крестный. — Она накинула на плечи кафтан из овечьей шерсти. — Бояться нужно не мне, а брату, которого я отлуплю у всех на глазах.

— Вот это мне уже нравится! — хлопнул в ладоши Шафер. — Вот это звучит интересно! Поставлю на тебя, юное дитя! Чуйка говорит мне, что ты победишь!

Покинув мастерскую, Иви прыгнула в экипаж, и тот помчался напрямик на Фон-Штрассе.

Рут Робер был премерзким бандитом, и жил он в премерзком районе на отшибе Майнштадта, там, куда вывозили весь мусор и куда сливали все нечистоты. Рут и сам был похож на одну большую скверну, грязную и смердящую. Он был два метра ростом и такой ширины, какой следовало стыдиться в приличном обществе. Оттого и водился он исключительно с теми, кому место было скорее среди крыс, чем среди людей, и имел над ними немалое влияние. Иви видела Рута лишь однажды. Ей было десять... *кажется*,

десять. Это воспоминание она решила благополучно (жаль, что это удалось лишь частично) забыть. Дросс часто водил ее на базар. У ребенка часы покупали охотнее, а если Иви выдавливала милую улыбку, то вместе с золотыми ей отсыпали еще и яблок и орехов, а если сильно везло, то и марципановых конфет. И вот однажды Рут подошел к их лавке. От него разило помоями так, что все покупатели в радиусе пяти метров разбежались. Хотя... возможно, их пугал вовсе не гнилостный запах, а шайка разбойников, окружавших своего хозяина. Их побаивался и Дросс, который спрятал крестницу за своей спиной. Рут долго рассматривал часы на прилавке. Молча крутил их в пухлых пальцах и примерял на грязном запястье.

— Мне нужны часы, которые смогут остановить чертовое время, — сказал он тогда.

«Бессмыслица», — подумала Иви.

Подумала громко. Так громко, что привлекла внимание толстопузого великана.

— Глупая малявка, — буркнул он, но, заметив злобное выражение лица Дросса, тут же улыбнулся, будто только что сделал комплимент. — Твоя девка? — спросил он у него.

— Моя, — ответил Дросс, надежнее заслоняя Иви.

Голос Рута был похож на шуршание мышей где-то под половицами.

— Когда ты успел остепениться? — усмехнулся Рут.

— Часы будешь брать? — Дросс кивнул на те, что бандит держал в руке. — Если да, то с тебя пять золотых. Клади монеты в мешок и проваливай.

— Как грубо, Дросс, — широко улыбнулся тот. — Разве так говорят со старым другом?

Его зубы были похожи на гнилые семечки.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

